

И. Ф. Ухванова-Шмыгова

**ДИСКУРСНЫЕ МЕТОДИКИ
ИЛИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ?
ВЫБОР МЕТОДИКИ ЗАВИСИТ
ОТ ВЫБОРА МЕТОДОЛОГИИ**

Изучая специфику социального взаимодействия в исторической перспективе, историки работают с текстами, функционировавшими в разные исторические эпохи. Каждая эпоха отличается от другой своей специфической ситуацией. Анализ текста в его контекстной данности, осуществляемый с помощью дискурс-анализа помогает осознать смысловую действительность эпохи¹. Насколько репрезентативны знания, полученные с помощью дискурс-анализа или какой-то другой методики анализа содержания текста, зависит от того, насколько совершенна методика. Чем более мы проникаемся доверием к той или иной исследовательской методике, тем более мы склонны принимать информацию, добытую с ее помощью. Что же в основе доверия? Насколько мы можем доверять знаниям, добытым с помощью уже существующих методик анализа? Есть ли у них достаточная методологическая база? Следует ли искать новые методики? Что стоит за этим поиском? Данная статья — это размышления над тем, что представляют собой качественные методики (дискурс-исследования)² и количественные (контент-анализ)³ и что лежит в основе выбора.

От того, в какую эпоху мы живем, зависит наш взгляд на мир и бытие человека, наше отношение к миру, наши знания, социальный опыт, в том числе и языковой, речевое поведение. Парадигмы в значительной степени определяются историческим контекстом, который и определяет то, что мы готовы сегодня увидеть, понять, осознать, а что нет. Методологические парадигмы задают методики или, иначе, исследовательские технологии. Смена ведущих методик отражает смену методологических парадигм. Видение перспективы развития методик в перспективе смены парадигм требует со-

средоточить внимание исследователя-методолога на том, что является ключевым, фундаментальным, главным, устойчивым. Так мы приходим к необходимости сравнения трактовок ключевых методологических понятий, вокруг которых и идет борьба: «реальность» (действительность, картина мира), «субъект» (человек), «наука», «цели социального исследования», «знаковая реальность» (знаковая картина мира), «знаковый субъект», «текст-центричная наука».

Текст — объект исследования всех гуманитарных наук. Текст — это социальный документ, продукт социального взаимодействия, по которому исследователи «считывают» информацию об обществе. Содержание текста многообразно, подвижно, многозначно, многоаспектно. Закрывать на это глаза и снимать только то содержание, которое очевидно и находится на поверхности (манифестируемое содержание), или отважно броситься навстречу текстовым противоречиям, рискуя утонуть в этом водовороте множества пересекающихся ключей (латентное содержание), несущих глубину, а быть может, свежесть и неординарность мышления автора, но также и его соавтора-читателя, для которого автор порождает свои тексты?

Социальной наукой адаптированы оба подхода, которые имеют вполне однозначные и оправданные названия — количественный (ориентированный на факты в их множественном исчислении, а значит на тексты в их открытой бесконечности — чем больше, тем лучше) и качественный (ориентированный на отдельное, особенное, единичное, рождаемое в сочетании фактов, факта и отношения к нему, факта и его обозначения, а значит на тексты в их реальном ограниченном социальном контекстом пространстве).

В отличие от контент-анализа (единственной количественно-ориентированной технологии анализа содержания текста, достаточно уязвимой при малых исследовательских выборках),

качественные технологии (открытое множество методик, наличие которых позволяет работать с малыми выборками, одновременно анализируя содержание текстов и верифицируя результаты исследования) обладают такими схожими, классификативно-значимыми чертами, как: а) целостный (холистический) взгляд на текст, отношение к тексту или супертексту (определенному дискурсивному пространству) как к языковому знаку; б) бесспорное внимание к структуре текста, которая, однако, видится исследователями далеко не однозначно; в) учет не только и не столько актуального содержания текста (исключительное внимание к актуальному содержанию характерно для количественных подходов к исследованию текста), сколько всего многообразия содержательных аспектов и видов, присущих тексту; г) селективный подход (что предполагает

отбор на первый взгляд случайных элементов текста); д) иллюстративный, спецификативный взгляд на текст (текст иллюстрирует ту или иную тенденцию, но не тенденция заключена в тексте); е) учет (главным образом в исследовании текстов СМИ) зависимости специфики актуализации плана содержания текста от субъектной ситуации общения, а именно: перенос акцента с адресанта (автора) и даже собственно с текста на адресата, аудиторию (что трактуется учеными как показатель субъективности содержания текста и, соответственно, субъективности результатов анализа).

Среди качественных методик анализа текста/дискурса называют структурный, семиотический, мифологический, анализ социальных индикаторов (символов), социально-ролевой, жанрово-нарративный, интертекстуальный, дискурс-портретирование, реконструкция предметной и субъектной ситуаций общения и др.⁴

В специальной литературе можно встретить мысль о том, что только количественный анализ (контент-анализ) претендует на такую характеристику, как научность, состоятельность, только он обеспечивает надежность, обоснованность результатов исследования. Мы полагаем, что это положение может быть оспорено. Во-первых, оба подхода включают в себя то, что в принципе может быть повторено различными исследователями, а результаты исследования могут быть оспорены согласно канонам исследовательской процедуры (необязательно одной и той же). Во-вторых, оба подхода имеют дело с закономерностями (текстовыми регулярностями) и используются для анализа продуктов культуры (то есть артефактов), а не чего-то единичного, неповторимого (того, что мы относим к предметам искусства). В-третьих, оба они избегают оценивать анализируемые тексты с позиций их моральной или эстетической ценности (другая сторона объективности). И наконец, в-четвертых, все эти методы в принципе инструментальны, то есть носят характер технологий, с той лишь разницей, что исходят из разных базовых (теоретических) посылок. Все они используются для того, чтобы ответить на вопросы: какова связь между содержанием, автором, социальным контекстом и получателем текста. Последнее обстоятельство указывает на возможность совмещения не только нескольких качественных методик в одном исследовании (как это имеет место практически всегда, ибо и семиология обеспечивает содержание только благодаря вхождению в более крупные системы — систему значений культуры и систему осмысленной практической деятельности), но и совмещения качественного и количественного подходов.

В настоящее время качественные методики затребованы исследователями социального пространства. Интерес к методикам качественного анализа

вызван признанием того факта, что в науке нет одного абсолютно корректного подхода к исследуемой реальности. Социальная наука, как признают ученые разных континентов, является мультипарадигмальной наукой, что предполагает наличие некоторой множественности базисных предпосылок и исследовательских техник, а именно: с позиций позитивизма, интерпретативизма, критической исследовательской парадигмы, в том числе феминистской (корректирующей), а также постмодернистской (интердисциплинарной) и каузально-генетической (синтезирующей). Наблюдаемое их совмещение имеет место благодаря рождению традиции комплексных, многоцелевых, многоуровневых полифункциональных исследований. Но в любом случае следует видеть возможности исследования текстового содержания каждой. Для этого сделаем краткий экскурс в историю научного познания.

Много веков назад вместе с учением Аристотеля к нам, европейцам, пришло понимание того, что мир един, но при этом он многозначен и многолик, ибо находится в постоянном движении и преобразовании. И это знание актуально для нас как никогда сегодня. Именно так мы смотрим на мир сейчас. Но что же изменилось? В первую очередь мы сами. Наш исторический опыт вместил, а точнее, переосмыслил, переболел многими «болезнями», чтобы теперь, «с высоты времен», стать (и в это действительно хочется верить) добрее и терпимее к пестроте знаний, подходов, видений, отношений. Так что же впитало человечество за такой промежуток времени?

Пройдя через историю средних веков, историю света и тьмы, человечество пережило период так называемой слепой веры, где метафизический взгляд на мир оказался соотношенным со схоластическими, спекулятивными изысками человеческого ума. Вера в букву, слово, текст — беспрекословная, безграничная, беспредельная. Человек оказался перед феноменом текста, закрывающего собой реальность, текста как реальность, как учение о жизни, как сама жизнь, и не только. Человек поднял на высоту и автора текста — Мастера. Мастер стал Учителем и Носителем смысла⁵.

Пережив такой период восхищения словом/текстом и тем, кто это слово несет людям, европейское сообщество окунулось в другой, значимый в нашем контексте период истории — мир науки и престижа ученого, но ученого значимого лишь постольку, поскольку он объективирует для нас мир. Вот он парадокс. Речь идет об объективизации мира учеными, которые после этого становятся тенью мира. В этом мире нет места человеку. Человек уходит на периферию человеческих ценностей, уступая пьедестал открытым им частицам — атомам, а затем и миру производства, миру машин. Соответственно, ключевым принципом человечества в получении знаний становится-

ся позитивизм, уводящий человека и от самого себя, и от слова/текста, философствования в другую веру — в установочный принцип получения знания в результате сугубо научного (сциентистского) познания. Наблюдение, эксперимент, цифра, факт становятся новым кумиром, в определенном смысле слова фетишем. А что же текст? Его функция — фиксировать, отражать, освещать, информировать, нести знания. Но речь идет только о знании позитивном, то есть, в данном контексте, лишенном интерпретации. А значит и роль слов, текстов упрощается. Они становятся плоскими, однозначными, лишенными эмоции, отношения, глубины, многозначности (его эквивалентом становится референт, иначе говоря, значение слова равно его референту, причем обладающему физической данностью, так называемым чувственным референтом). Все абстракции объявляются ненужными, даже вредными. Согласно позитивистскому кредо его основателей (французского философа Конта, а вслед за ним и Спенсера, Кетле, Милля, Дюркгейма), знание — это результат фиксации мира непосредственно, без аналитических обоснований. Верификация, квантификация (количественность), наблюдаемость реалий становятся абсолютом. Это — время развития методик и того, что сегодня бы назвали технологией. И именно оно — время рождения количественной социологии. И именно здесь зарождается методика контент-анализа с ее такими ключевыми характеристиками, как: а) квантитативность; б) признание, как единственно реального, поверхностного, манифестируемого содержания; в) скольжения по тексту с опорой на фактологичные фрагменты; г) игнорирование всей совокупности языкового знака в его теперешнем качественном прочтении (с учетом цельности, селективности, иллюстративности, многозначности, выпуклости и пр.).

Такой подход к считыванию содержания текста не случаен, и это отражение базовых отношений позитивизма. Реальность для позитивиста — это все то, что воспринимается посредством ощущений, что дано непосредственно в чувственном опыте. Повторяемость явлений, соответственно, позволяет упорядочить факты и установить закономерности. Субъект — это прежде всего рациональный индивид, подчиненный социальным законам, поведение которого детерминируется внешними обстоятельствами и изучается посредством наблюдения; он не обладает свободой воли, он является продуктом внешних условий жизни. Наука включает строгие правила и процедуры; исключительно дедуктивна, то есть переходит от всеобщего (абстрактного) к специфическому (конкретному); номологична (основа на каузальных законах); носит опытный характер (опора на знания, добываемые посредством ощущений), ощущения — единственный истинный источник зна-

ния; наука свободна от оценочных суждений, она отделяет факты от оценок. Социальное исследование является инструментом изучения социальных событий, анализа их взаимосвязей с целью раскрытия и объяснения закономерностей, знание которых позволяет контролировать события и предсказывать их появление. Соответственно текст прозрачен. Человек проходит сквозь него, не останавливаясь, не наслаждаясь, не размышляя, не сомневаясь. Референт — вот квинтэссенция всего значимого.

Уже параллельно с позитивизмом, как некое противостояние позитивизму, появился и успешно сосуществовал интерпретативизм. Его суть такова: реальность не дана человеку непосредственно, а является продуктом взаимодействий и интерпретаций людей; она субъективна, а не объективна, она существует для тех, кто ее «видит». Соответственно, человек может быть далеко не на периферии ценностей, а занимать центральное место, ибо сама реальность и социальный мир создается им, и он свободен, ибо не существует всеобщих законов, ограничивающих поведение индивидов. Что же касается науки, то она идеографична (описательна). Знания не отделимы от оценочных суждений, ибо ценностный нейтралитет невозможен. Не одни лишь ощущения являются источником знаний. Гораздо важнее понимание смыслов и интерпретаций. Используемый наукой подход является индуктивным (переходящим от специфического ко всеобщему и от конкретного к абстрактному). В аксиологической сфере провозглашается ценность «понимающей» (несциентистской) науки. И наконец, цели социального исследования можно трактовать как не имеющие прямой инструментальной ценности, ибо исследование ориентировано на интерпретацию и понимание причин социальных поступков индивидов — смыслов, которые конституируют процесс взаимодействия. Основатели этого мышления — Зиммель, Теннис, Вебер. Многоликость этого подхода хорошо видна в работах представителей символического интеракционизма, феноменологии, этнометодологии, герменевтики — ключевых составляющих этого направления. Соответственно и трактовка понятий «знак», «слово», «текст» фундаментально иная. Текст — это не референт, а всего лишь символ взаимодействия, в нем — память веков и народов. Она может быть представлена в игре (драматический подход Гофмана), в рефлексии (рефлексивная социология Гоулднера). Текст таков, ибо порождающие его способны мыслить, узнавать значения и символы, которые различают человеческое действие и взаимодействие. Свобода людей модифицировать значения и символы принимается однозначно, ибо они используют эти слова, они интерпретируют ситуации. Их глубина и разнообразие объясняют многоплановость и неоднозначность текста

(возможно, даже эфемерность). Люди взаимодействуют, образуя группы и общества, и эти структуры подвижны, а значит подвижен и текст. Соответственно, анализ содержания текста — это не просто его «считывание», а проникновение в смысл его порождения и функционирования, то есть в смысл человеческих действий. Отсюда — получаемое содержание, как и знание, субъективно, и это данность, которую надо принять. Причем понять не ради текста, а ради нас самих, ибо познать текст — это познать самих себя и окружающий мир, проникнуть к основаниям и описать, реконструировать. И важно здесь, что речь идет о мире жизненном, социальном, а не каком-то абстрактном, не имеющем отношения к реальным субъектам (феноменологическая перспектива). Так мы приближаемся к осознанию наличия некоего коммуникативного единства, включающего в себя субъект и объект (предмет) общения, что приводит нас к признанию того, что кодирование и декодирование текста носит активный, творческий и поведенческий характер, а также немислимо без включения контекста в текстовое пространство — дискурсное прочтение понятия текстового пространства (этнометодологическая перспектива). Расширилось понятие «язык» (язык символов, жестов, ритуалов, манер и пр.), родилась идея постоянного диалога текстов, личностей, культур, ценностных установок, реализацию которой мы наблюдаем сегодня.

Критическая парадигма пришла с новым содержанием. Реальность здесь двойственна: она создается людьми и поэтому противоречива по своей природе, конфликтна и изменчива, но в то же время она является продуктом исторического процесса, а значит объективна. Тесное взаимодействие субъективных смыслов с объективными отношениями — вот что мы наблюдаем в русле данной перспективы. Субъект здесь поработан и ограничен культурными и социальными рамками. Пусть он и обладает творческим потенциалом, но ограничен социокультурно и политически. Его действия — источник прогресса. Наука социально-прагматична, призвана не

столько объяснять мир, сколько изменять его. Цель социального исследования — раскрывать реальные отношения, разоблачать мифы и иллюзии, преодолевать ложные верования и идеи, показывать, каким должен быть мир и как его можно изменить.

Критическая парадигма представлена в теории такими направлениями, как критическая социология (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе, Хабермас), теория конфликта (Гумпилович, Зиммель, Миллс, Козер, Дарендорф), марксизм (Маркс, Энгельс, Ленин), феминизм (Батлер, Файерстоун, Прокоп, Митчел). Согласно этим теориям наличие (сосуществование, конфликт, до-

минирование, порабощение) различных социальных групп (классов, меньшинств) порождает неприятие, возмущение, взрыв, что необходимо познавать, используя новые методы анализа. Что здесь важно для текстового анализа? Необходимость сопоставления: «что» для «кого» и во имя «чего», учет отсутствия баланса этих отношений, наличия постоянного перетягивания инициативы, наличия того факта, что дихотомия «истина—ложь» из поля реальности переходит в поле модальности (что должно быть). Отсюда содержательный потенциал слова/текста обогащается идеологическими коннотациями (оттенками значения системного характера) и коллокациями (оттенками значения, рожденными в процессе функционирования слов/текстов), требующими реконструкции в процессе декодирования.

И вот новый виток истории, который пришел к нам с верой в то, что понимание социального опыта не только возможно с помощью искусства, но и является его прямым делом. Модернизм как художественно-эстетическое движение породило свою теорию, основными категориями которой стали понятия мимезис, репрезентация, идеология и субъективность. Теории субъективности переводят репрезентацию из социального мира идеологий в частный мир сознания. Идеологическая репродукция и репрезентация становятся частями одного и того же процесса. На этой почве и вырос постмодернизм. Реальность в постмодернизме выступает как бы с вопросительным знаком (где она?). Ее нет и в то же время она есть во множестве вариантов, планов, аспектов: в факте и артефакте, которые не составляют дихотомию, так же как виртуальное не противопоставляется реальному. Декларируемая постмодернизмом потеря реальности — это скорее потеря связи между ее объектами, признание того, что мир фрагментарен и бессистемен. Поэтому он не поддается оценке, к нему неприменим идеологический критерий. Реальность покрывает все — и вневязное и знаковое пространство. Реальность равна имиджу, а имидж реальности. Это конструкция без структуры, текст «без дисциплины». Это — просто реальность. Субъект в постмодернистской модели исчезает как индивид, но возрождается в стиле и типе, в знаке и поведении. Он — сама реальность и в то же время продукт речевых практик, многообразных дискурсов. Его самость формируется дискурсом (своим и чужим) и обнаруживается в нем. У него много лиц, ролей, образов. «Потеря» субъекта такая же игра, как и потеря реальности. В описании человека и реальности постмодернизм использует новые категории, не имевшие самостоятельного значения в первых трех перспективах (позитивизме, интерпретативной и критической парадигмах) — знаковая реальность и знаковый субъект. Знак в постмодернизме почти сакрален. Он

вездесущ. Знаком может быть все. Текст тоже знак. Жанр, средство передачи сливаются с содержанием, то есть нет различия между означаемым и означающим (знаковая реальность). Появляется новый стиль — пастише, под которым понимается «чистая» стилизация, несущая новое, свое собственное содержание (знаковое поведение). Наука в постмодернизме как бы спорит сама с собой. Она отказывается от единой теории, порождая их неограниченное множество, обогащая категориальный аппарат (текстуальность, текстура, дискурс, дискурсивные практики, технологии...). Побеждает стремление не нарушать целостность мироздания. Отсюда полное неприятие анализа, который расщепляет и убивает живое. Изучение реальности в постмодернистской перспективе — это изучение всего, что в ней есть. Поэтому понятен интерес к так называемому case study — изучению отдельных случаев (характерно, что даже и тогда, когда материал достаточно широк, к нему можно относиться как к эпизоду, варианту, единичной структуре). Цель исследования — ухватить, удержать, увидеть многое в малом, малое в большом: в капле воды — все мироздание, а мироздание — в капле. Изучать мифы как реальность и

реальность как миф. Наблюдается ситуация теоретико-методологического плюрализма. Статус всех методологий уравнивается, признание «многоголосья» в науке и первостепенной роли знакового ряда, а значит, и дискурсного прочтения всех социально-гуманитарных наук. Возрастает значимость наук и теорий, ориентированных на знаковые системы и порождаемые ими продукты — тексты, дискурсы, дискурсии (практики). История методологических программ на этом, однако, не заканчивается.

Нам представляется, что сегодня весьма актуальной и продуктивной является каузально-генетическая теория/методология б. Она не отказывается от гранд-нарратива, систематизирует исследовательские подходы, находит место каждому, открывает новые методики. Соответственно, она имеет свои трактовки ключевых позиций. Реальность — это весь объективный, определенным образом упорядоченный фон речевой деятельности субъекта, весь содержательный план языка (массив вещей, фактов, событий, как реальных, порожденных природой и вовлеченных в практическую деятельность человека, так и знаковых, порождаемых человеком. Их организуют (упорядочивают) в процессе социально-речевого взаимодействия конкретный индивид, социальная группа и социум в целом, иначе говоря. Они осмысливаются в диапазоне от индивидуального до типового. Выступая как упорядоченное знание, реальность всегда конкретна и исторически ограничена, но в то же время она постоянно открыта для «пересмотра» (переоценки и преобразо-

вания), а значит, имеет историческую перспективу. Это единство потенциальной открытости и реальной ограниченности отражает взаимодействие двух параметров — предметного и субъектного (как в социальном бытии, так и в знаковой стихии). Абсолютное движение (категориальный вектор) и относительный покой (феномен) формируют содержательный, духовный пласт реального мира. Именно такая (динамическая, предметно и субъектно представленная) действительность является для нас источником, основой знаний и отношений. Субъект не менее подвижен. Его динамика обеспечивается социальным и речевым взаимодействием людей в практической и знаковой деятельности. Субъект осознает себя в социуме (речевое поведение) и социум в себе (историческое или языковое поведение). Он — часть действительности, ее преобразующая сила и генератор идеальных образов. Наука (речь идет о науке, которая может назвать себя текст- или дискурс-центричной) стремится к познанию реальности (как знаковой, так и внезнаковой) и места субъекта в ней, добиваясь этого с помощью структурирования и логического конструирования. Причем структурируя объект, исследователь рассматривает его не как механическую сумму элементов, а как систему: каждый элемент существует лишь в связном, упорядоченном пространстве целого. Структурный и конструктивный подходы взаимно подкрепляют друг друга. Моделирование объекта исследования ведет к получению его теоретического аналога (идеального объекта). Конструирование исследовательской модели — это, с одной стороны, средство отображения (языковых) явлений и процессов, а с другой — способ проверки эффективности методологии, ее способности раскрыть реальную картину общения. Цели исследования заключаются в поиске нового знания. Оно не только открывает те или иные закономерности, но и устанавливает сферу их действия (меру предмета). Знаковая реальность — это весь знаковый фон системных и функциональных значений интерсубъективного общения, а значит, это и действительность как таковая, однако представленная уже в некоей знаковой упорядоченности (языковая картина мира). Универсальной и наиболее сложной знаковой реальностью является язык, который имеет как социальный, так и индивидуальный диапазон варьирования значений в исторически заданных рамках. Нельзя сказать, что понятие знаковый субъект до сих пор являлось «традиционным» для методологических программ. Однако оно может и должно занять центральное место в исследовании языковой и речеповеденческой реальности. По сути, эта категория отражает факт знаковой заданности субъекта. Человек непосредственно использует знаки как орудие мышления и орудие общения, соответственно маркируя ими не только

предметы практической деятельности, но и коммуникантов, в том числе и самого себя, свою индивидуальность и свой социальный статус, свой особый стиль и свой стилиевой регистр. Таким

образом, субъект как бы раздваивается: с одной стороны, он автономная личность, а с другой — знак, функция, и все его действия и оценки подчинены этой социальной роли (роли родителя, представителя группы, партии, нации и пр.), выстраивающей (в качестве доминантной причины) его поведение. Соответственно и текст-центричная наука в этом контексте прочитывается несколько по-иному. Она стремится к познанию знаковой реальности и места знакового субъекта в ней, а значит, ее внимание неизбежно сосредоточивается на речевой практике и языковом опыте. Так мы погружаемся в содержательную среду языка (сложные языковые знаки, факты речевой деятельности) с учетом как статичности знака (знак как результат деятельности), так и его динамики, то есть открытости. Данная перспектива в состоянии «вместить в себя» практически все богатство методологических подходов и философских дискурсов, свести мозаику взглядов и практик в единую картину.

Настоящее время — время рождения традиции комплексных, многоцелевых, многоуровневых полифункциональных, исследований. В таких исследованиях задействованы ученые разных областей знаний — социологи, лингвисты, историки, психологи, политологи, математики. Совмещение количественных и качественных методов — их осознанный выбор.

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. Изд. 2-е. М.: Изд-во «Республика», 1994. С. 9.

² Методология исследований политического дискурса. Вып. 2. Ч. 8. Текст печатных СМИ как объект качественного исследования. Минск: БГУ, 2000. С. 324—389; Potter W. J. An Analysis of Thinking and Research about Qualitative Methods. Lawrence Erlbaum Assoc. Publ., 1996.; Channels of Discourse, Reassembled. Ed. by R. C. Allen. 2nd ed. Routledge.

³ Методология исследований политического дискурса. Вып. 2. Ч. 7. Контент-анализ: теория и практика. Минск: БГУ, 2000. С. 268—323; Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2003. С. 47—281.

⁴ Movies and Methods. Univ. of Calif. Press, 1985. 753 p.; Методология исследований политического дискурса. Вып. 3. Минск: РИВШ, 2002; Berger A. A. Media Research Techniques. Sage, 1998.

⁵ Рабинович В. Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. М.: Книга, 1991; Ухванова-Шмыгова И. Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философская и социологическая мысль. № 3. 1993 (Киев). С. 3—17.